

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во все города Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

На вакансію священника къ церкви Новогеоргіерскаго военнаго госпиталя, за смертію священника Гавріила Былинскаго, назначень состоявшій въ плаваніи на судахъ флота—священникъ Тобольской епархіи, кандидатъ Богословія, Василій *Гигановъ* (27 сентября 1897 г.).

Священникъ 82 пѣхотнаго Дагестанскаго полка Петръ *Верховскій*, для пользы службы, переведень къ церкви 186 пѣхотнаго резервнаго Каменецкаго полка, за смертію священника Павла Горбатовскаго; къ церкви Дагестанскаго полка священникомъ назначень діаконъ Осовецкой крѣпостной церкви Александръ *Верольскій* (29 сентября 1897 г.).

Благочинный Кавказской гренадерской дивизіи, 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка протоіерей Александръ *Голубинскій* и священ-

никъ 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка Николай *Филиковъ*, для пользы службы, перемѣщены одинъ на мѣсто другого; благочиннымъ упомянутой дивизіи назначенъ священникъ 16-го Гренадерскаго Мингрельскаго полка Николай Ярославцевъ (29 сентября 1897 г.).

Къ церкви Московскій военной тюрьмы, за увольненіемъ протоіерея Викентія Делекторскаго въ отставку, назначенъ состоявшій въ прикомандированіи къ Артиллерійской церкви въ г. Москвѣ священникъ Симеонъ *Ляпицевскій* (11 октября 1897 г.).

Священникъ 2-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады Константинъ *Трошкій*, согласно прошенію, уволенъ отъ службы въ отставку; на его мѣсто—къ церкви упомянутой бригады назначенъ священникъ Костромской епархіи Владиміръ *Акуловъ* (15 октября 1897 г.).

За поступленіемъ священника 58-го пѣхотнаго Прагскаго полка Θεодора Знаменскаго, для продолженія образованія, въ С-Петербургскую Духовную Академію, къ церкви названнаго полка назначенъ священникъ Херсонской епархіи Михаилъ *Малявинскій* (20 октября 1897 г.).

Къ церкви 18 пѣхотнаго Вологодскаго полка, за смертію священника Авксентія Соколовскаго, переведенъ священникъ Ахтинской военно-мѣстной церкви Василій *Голубевъ*, вакансія котораго предоставлена священнику Волынской епархіи Іосифу *Туржинскому* (24 октября 1897 г.).

Протоіерей Бендерской военной Александро-Невской церкви Алексѣй *Патенковъ*, согласно прошенію, уволенъ въ отставку; на его мѣсто назначенъ священникъ 41-го драгунскаго Ямбургскаго полка Петръ *Трошкій*; къ церкви Ямбургскаго полка перемѣщенъ священникъ 154-го пѣхотнаго Дербентскаго полка Константинъ *Тихвинскій*, на вакансію котораго опредѣленъ псаломщикъ Карсскаго военнаго крѣпостнаго собора Сергій *Петровъ* (24 октября 1897 г.).

На вакансію второго священника къ церкви л.-г. коннаго полка, за смертію священника Алексѣя *Тубасова*, назначемъ л.-г. Казачьяго Его Величества полка протоіерей Петръ *Бьявинъ*, мѣсто котораго предоставлено священнику 2-го стрѣлковаго баталіона Георгію *Приморскому*; къ церкви названнаго баталіона перемѣщенъ священникъ церкви Муравьевскихъ казармъ Іоаннъ *Смирновъ*, а на его мѣсто переведенъ священникъ 70 пѣхотнаго Рязскаго полка Александръ *Бьялевъ*, вакансія котораго предоставлена священнику Ярославской епархіи Владиміру *Воскресенскому* (28 октября 1897 г.).

Къ церкви Закаспійской военной желѣзной дороги въ г. Самаркандѣ, за смертію священника Владиміра Крупскаго, назначень священникъ Костромской епархіи Михаилъ *Понгуровскій* (29 октября 1897 г.).

Протоіерей церкви при штабѣ Владивостокской крѣпости Павелъ *Романскій* и священникъ церкви Сибирскаго флотскаго экипажа Михаилъ *Сусловъ*, для пользы службы, переимѣнены одинъ на мѣсто другого (1 ноября 1897 г.).

На вновь открывшуюся вакансію священника при управленіи 5-й стрѣлковой бригады назначень священникъ 6-го лейбъ-драгунскаго Павлоградскаго полка Василій *Устрицкій*, на мѣсто котораго опредѣлень псаломщикъ Тверской епархіи Михаилъ Романовскій; третьимъ священникомъ къ Козленскому крѣпостному собору, на вновь открывшуюся вакансію назначень священникъ Херсонской епархіи Ѳеодоръ *Волковъ* (10 ноября 1897 г.).

Священникъ 1-го Холерскаго полка Кубанскаго казачьяго войска Валеріанъ *Юрсовъ* уволенъ въ отставку и на его мѣсто назначень священникъ Иерегинской епархіи Іоаннъ *Шивладзе* (15 ноября 1897 г.).

На вновь открывшуюся вакансію священника къ церкви Варшавской артиллерійской мастерской назначень священникъ 152-го пѣхотнаго Владикавказскаго полка Николай Ниженскій, мѣсто котораго предоставлено священнику Минской епархіи Ѳеодору Глыбовскому (27 ноября).

Къ церквамъ вновь сформированныхъ драгунскихъ полковъ 53-го Новоархангельскаго и 54-го Новомиргородскаго назначены: въ Новоархангельскій полкъ священникъ Полоцкой епархіи Даміанъ Микаревскій, въ Новомиргородской полкъ священникъ Черниговской епархіи Алексѣй Померанцевъ (1 декабря).

Благочиннымъ надъ духовенствомъ 14-й Кавалерійской дивизіи назначень священникъ 40-го драгунскаго Малороссійскаго полка Николай Гончаровъ (9 декабря).

Благочиннымъ надъ духовенствомъ вновь сформированной сводной Кавалерійской дивизіи назначень священникъ л.-г. Гродненскаго гусарскаго полка Алексѣй Борисоглѣбскій (8 января 1898 г.).

За смертію благочиннаго 29-й пѣхотной дивизіи священника 116-го пѣхотнаго Малодрославскаго полка Иліи Похровскаго, къ церкви Малодрославскаго полка, съ званіемъ благочиннаго упомянутой дивизіи, назначень священникъ Рижскаго учебнаго унгеръ-офицерскаго баталіона Павелъ *Мудролюбовъ*, на мѣсто котораго переведень священникъ 120-го пѣхотнаго

Серпуховскаго полка Михаилъ *Михновскій*; къ церкви Серпуховскаго полка перемѣщенъ священникъ 21-го драгунскаго Бѣлорусскаго полка Петръ *Риппшигъ*, вакансія котораго предоставлена псаломщику Артиллерійской церкви въ г. Москвѣ Николаю *Бьяеу*; къ артиллерійской церкви въ Москвѣ перемѣщенъ діаконъ на вакансіи псаломщика Двинскаго крѣпостнаго собора Георгій *Исановъ*, а на его мѣсто назначенъ запасной церковникъ 16-го пѣхотнаго Ладожскаго полка Петръ *Кутузовъ* (9 января 1898 г.).

На вакансію третьяго священника къ Кіевскому военно-крѣпостному собору за смертію благочиннаго, священника Петра Воздвиженскаго, назначенъ священникъ 125-го пѣхотнаго Курскаго полка Іаковъ *Піотухъ*; на его мѣсто священникомъ къ церкви Курскаго полка опредѣленъ учитель церковно-приходской школы Кіевской епархіи Іаковъ *Коломацкій*; благочиннымъ неподвижныхъ военныхъ церквей г. Кіева назначенъ священникъ Кіевскаго военно-Прозоровской церкви Меодій *Цыхановскій* (10 января 1898 г.).

Протоіереи церквей: Кавалергарскаго Ея Величества полка Михаилъ *Лебедевъ* и л.-г. Егерскаго полка Капитонъ *Добровольскій*—по взаимному согласію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого (12 января 1898 г.).

Протоіерей 50-го пѣхотнаго Бѣлостокскаго полка Григорій *Сокальскій*—согласно прошенію, уволенъ въ отставку; на его мѣсто назначенъ священникъ 52-го пѣхотнаго Виленскаго полка Іоаннъ *Цвѣтковъ*; къ церкви Виленскаго полка священникомъ опредѣленъ псаломщикъ Тверской епархіи Павелъ *Виноградовъ* (15 января 1898 г.).

ЛЕСТНЫЙ ОТЗЫВЪ

Пресвященнаго Михаила, Епископа Ковенскаго о дѣятельности членовъ причта Ковенскаго военнаго собора.

Посѣщая неоднократно Ковенскій военный соборъ во время богослуженій и въ праздники и въ простые дни, — я убѣдился въ благотворной неустанной дѣятельности пастырской причта собора. Торжественныя богослуженія, чтеніе акаѣстовъ, *ежедневныя* очередныя собесѣдованія членовъ причта, особенно живыя, теплыя, одушевленныя слова и рѣчи с. протоіерея

Николая Каллистова привлекають массу людей, съ умиленіемъ слушающихъ учительнаго пастыря. Призываю Божіе благословеніе на всѣхъ, съ любовію работающихъ на нивѣ Божіей: отцу же протоіерею Каллистову приношу глубокую мою благодарность. Сама любовь да воздасть ему за любовь къ ближнимъ. Михаилъ, Епископъ Ковенскій. 6 февраля 1898 г.

ДОСТОЙНАЯ ПОДРАЖАНІЯ ПОХВАЛА ПОЛКОВОМУ СВЯЩЕННИКУ.

ИЗЪ ПРИКАЗА

по 24-й пѣхотной дивизіи,

октября 12-го дня 1897 года.

Полковой священникъ 94-го пѣхотнаго Енисейскаго полка отецъ Николай *Андреевъ*, съ первыхъ дней назначенія его на эту должность въ полкъ примѣрными своими служебными и нравственными качествами, при христіанскомъ смиреніи, снискалъ, какъ среди непосредственнаго военнаго и духовнаго начальства, такъ и въ кругу епархіальнаго духовенства общее уваженіе, а среди духовной его паствы общую любовь и расположеніе.

Лучшимъ и нагляднымъ свидѣтелемъ примѣрной и неуклонной его дѣятельности можетъ служить значительно расширенная и заново отдѣланная полковая церковь, отличающаяся своимъ благолѣпиемъ, въ которой къ тому-же стараніемъ отца Николая возобновленъ совершенно запущенный малый придѣлъ.

Дѣятельность отца Николая по благоустройству полковой церкви получила уже заслуженную оцѣнку изъ устъ Протопресвитера Военнаго и Морского Духовенства, а равно и Епископа Псковскаго и Порховскаго Преосвященнаго *Антима*, въ видѣ благословенія Его Преосвященства.

Такая-же дѣятельность и въ полку на пользу младшей брагій заслужила отличнѣйшую оцѣнку командира полка.

Наконецъ, бывшая попечительница Псковской общины сестеръ милосердія общества Краснаго Креста, въ которой отецъ Николай съ 26-го апрѣля 1894 г. безвозмездно преподавалъ сестрамъ Законъ Божій, свидѣтельствуетъ о плодотворной и полезной дѣятельности его, какъ препода-

вателя и духовника Общины, свискавшаго не только уваженіе и любовь сестеръ, но и имѣвшаго сильнѣе религіозно-нравственное на нихъ воздѣйствіе.

Объявляя объ изложенномъ по дивизіи, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность выразить о. Николаю *Андрееву* за его пастырскую дѣятельность искреннюю благодарность.

Подписалъ: Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ *Дембовскій*.

Проводы Отца Іакова Шотуха, священника 125-го пѣхотнаго Курскаго полка.

Дѣлюсь отраднымъ чувствомъ, которсе дорого всякому христіанину, видя глубокое уваженіе и безпредѣльную любовь полковой семьи къ своему духовному пастырю. Отецъ Іаковъ, прослуживъ 12 лѣтъ въ Курскомъ полку, свискалъ всеобщую любовь своею добротою, ласковымъ обращеніемъ съ каждымъ, заботой о нуждахъ первыи и своимъ благоговѣйнымъ служеніемъ. Кто хотѣлъ именно помолиться, тотъ шелъ въ нашу церковь. Его безкорыстіе поражало всѣхъ—онъ довольствовался своимъ скромнымъ содержаніемъ и никакія просьбы и уговоры не могли подѣйствовать, чтобы онъ взялъ деньги за какую нибудь потребу. Полковная семья хотѣла чѣмъ нибудь отблагодарить своего духовнаго пастыря и рѣшила ходатайствовать передъ О. Протопресвитеромъ о разрѣшеніи поднести золстой, украшенный брилліантами, нагертсрый крестъ. О. Протопресвитеръ былъ такъ милостивъ—разрѣшилъ поднести крестъ, но безъ права носить, пока эта награда не будетъ дана Святѣйшимъ Синодомъ.

Въ день Ангела уважаемаго о. Іакова, командиромъ полка, полковникомъ Фомъ-Фомъ былъ поднесенъ этотъ крестъ, причемъ полковникомъ была сказана прсчувствованная рѣчь о любви полка къ своему духовному отцу.

Черезъ три мѣсяца о. Іаковъ получилъ назначеніе въ Кіевскій Военный крѣпостной соборъ. Опять вся полковная семья собралась, чтобы послѣдній разъ помолиться вмѣстѣ со своимъ дорогимъ пастыремъ. Послѣ литургіи два штабъ-офицера подшли къ амвону съ иконсой трехъ Святителей; створились Царскія врата и гѣшелъ о. Іаковъ. Въ церкви воцарилась такая то, если можно такъ выразиться, благостовѣйная тишина. Всякій боялся прсркнуть хоть одно слово, сказанное въ послѣдній разъ о. Іаковомъ. Послѣ рѣчи командира полка и поднесенія иконы стѣ общества

офицеровъ, о. Іаковъ обратился съ прощальнымъ словомъ; не только у о. Іакова дрожала голосъ отъ слезъ, но и у многихъ офицеровъ онъ навертывались на глазахъ, а дамы, дѣти плакали навзрыдъ. Всякій, подходя къ кресту, цѣловалъ руку о. Іакова; а онъ прощаясь цѣловалъ каждого, начиная съ командира полка до послѣдняго рядового. Не смотря на то, что двигались сотни ногъ, ни малѣйшаго шороха не было слышно, всѣ боялись своимъ движеніемъ нарушить величіе разставанія съ своимъ дорогимъ учителемъ вѣры Христовой. На другой день на вокзалъ всѣ собрались проводить своего батюшку; всякій спѣшилъ подойти подъ благословеніе и подвести своихъ дѣтей; нижніе чины выстроились отъ вагона по направленію слѣдованія поѣзда въ двѣ шеренги; около вагона, во главѣ командира полка, сгруппировались всѣ офицеры съ ихъ семействами, жены фельдфебелей съ ихъ дѣтьми. До послѣдняго звонка на площадку, гдѣ стоялъ батюшка, входили нижніе чины подъ благословеніе. Раздался свистокъ и безъ всякой команды всѣ головы обнажились, поѣздъ медленно двинулся и о. Іаковъ съ открытой головой, стоя на площадкѣ, въ послѣдній разъ благословилъ своихъ солдатиковъ.

Эти минуты прощанья на всегда останутся въ нашихъ сердцахъ, и не изгладятся изъ памяти нашихъ дѣтей. Дай Богъ побольше такихъ, какъ о. Іаковъ; русскій же человѣкъ, а въ особенности солдатъ, всегда оцѣнитъ добрую душу своего пастыря.

О. Іаковъ уѣхалъ отъ насъ бѣднымъ человѣкомъ, но богатымъ доброю славою и любовью своихъ духовныхъ дѣтей.

В. Соловьева.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Поученіе о томъ, что главный источникъ маловѣрія и невѣрія въ Бога заключается въ испорченности человѣческаго сердца

Сердцемъ вѣруется въ правду (Римл. 8; 10).

Наше время страдаетъ тяжкимъ недугомъ, подтачивающимъ въ самомъ корнѣ тѣ основы, на которыхъ долженъ стоять весь строй человѣческой

жизни. Этотъ недугъ есть маловѣріе и невѣріе чловѣка въ Бога и въ духовный міръ.

Печальное явленіе происходитъ въ нѣкоторыхъ членахъ современнаго христіанскаго общества: христіане, дававшіе при св. Крещеніи, въ лицѣ своихъ воспріемниковъ, обѣты—быть вѣрными Іисусу Христу, торжественно исповѣдавшіе свою вѣру, очень и очень часто оказываются отступившими отъ Бога и ушедшими въ слѣдъ «боговъ иныхъ». Гдѣ же кроется главная причина такого печальнаго явленія, и насколько дѣйствительно оно печально—вотъ тѣ вопросы, которые должны занимать каждаго вѣрующаго православнаго христіана.

Уяснимъ себѣ—какая сила души нашей имѣетъ главное значеніе въ дѣлѣ вѣры? Св. Апостоль прямо отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, когда говоритъ: *«сердцемъ вѣруетъ въ правду»* (Римл. X, 10). Значитъ, въ сердцѣ—и сердцѣ чистомъ и непорочномъ—слѣдуетъ искать главный источникъ нашей вѣры. И дѣйствительно—это тамъ. Мы, напр., знаемъ многихъ св. подвижниковъ, которые часто не получали высокаго образованія въ истинахъ христіанства, однако угождали Богу и удостоивались вѣчнаго блаженства. Что же имѣло въ данномъ случаѣ важнѣйшее значеніе въ очахъ вѣчной правды? Конечно та вѣра, которая коренилась именно въ ихъ чистомъ и непорочномъ сердцѣ, и сообразная съ этою вѣрою добрая христіанская жизнь. Если чистое, благочестивое сердце служитъ источникомъ вѣры, то ясно, что то же сердце, но уже не благочестивое сердце, или—нравственно испорченное, является источникомъ маловѣрія и невѣрія. Это—такая истина, которая не можетъ быть отвергнута здравымъ разумомъ чловѣческимъ. Посему-то почти за 3000 лѣтъ до нашего времени св. Пророкъ Давидъ высказалъ эту истину въ словахъ: *«рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ»*. Не въ разумъ чловѣческомъ, а именно въ сердцѣ—нечистомъ и порочномъ лежитъ основа маловѣрія и невѣрія.

При какихъ же обстоятельствахъ можетъ начаться и развиваться эта порочность и нечистота сердца чловѣка? Много такихъ обстоятельствъ бываетъ у чловѣка, но самая главная причина заключается въ неудовлетворительности современнаго религіознаго воспитанія дѣтей. Дитя, «юнаго отрока можно, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, уподобить доскѣ, приготовленной для картины: что живописецъ изобразить—доброе или худое, святое или грѣшное; то и останется: такъ и дитя—къ какимъ правиламъ

пріучить его, съ тѣми онъ и жить будетъ»¹⁾). И такъ, сколько осмотри-тельности и осторожности требуется со стороны воспитателей ребенка, что-бы не привить послѣдному дурныхъ навыковъ, а—съ другой стороны, какъ облегчается задача воспитанія восприимчивостію дѣтской души! Но вездѣ ли у насъ поставлено воспитаніе на должной высотѣ? Всѣ ли родители пріучаютъ своихъ дѣтей познавать Бога, обращаться къ Нему съ дѣтскою молитвою, приводятъ ихъ въ храмъ Божій, гдѣ ангелоподобная душа ребенка могла бы находить для себя поистинѣ наилучшее мѣсто? Всѣ ли родители внушаютъ своимъ дѣтямъ, какъ отвратительны и несвойственны душѣ человѣческой грѣхи, и какъ они прогнѣвляють Бога? Всѣ ли родители, наконецъ, наставляютъ своихъ дѣтей въ томъ, что мы не должны гордиться своими знаніями, благами земными, своими способностями и не должны приписывать всѣхъ успѣховъ въ дѣлахъ своихъ себѣ, но что должны преклоняться предъ Богомъ и знать, что Онъ одинъ властенъ дать все это, или отнять? Однимъ словомъ, всѣ ли родители и воспитатели обра-щаютъ вниманіе на нравственность ребенка, на чистоту, слѣдовательно, сердца его? По личному своему наблюденію скажемъ, что далеко не всѣми родителями и воспитателями выполняется это.

И вотъ ребенокъ растетъ безъ правильнаго религіозно-нравственнаго руководства, растетъ уродливо, какъ молодое деревцо, за которымъ въ свое время не ухаживали, котораго въ свое время не подвязывали, не подстригали, чтобы сообщить ему прямой и стройный видъ. Если же онъ, по вы-ходѣ изъ родной семьи, съ сердцемъ тяготящимъ не къ Богу, но къ землѣ, подпадетъ еще вліянію такого же дурного товарищества, тогда, какъ не имѣющій никакой опоры для себя, окончательно падетъ, погрязая въ тинѣ самыхъ тяжкихъ грѣховъ. И вотъ сердце его, развращенное среди безчисленныхъ мірскихъ соблазновъ, будетъ требовать постояннаго удовле-творенія своимъ дурнымъ навыкамъ: «все что естественно, то и нравствен-но» — вотъ что оно будетъ говорить человѣку. А такъ какъ память о Богѣ и о загробномъ воздаяніи должна подѣйствовать на сердце человѣка, погряз-шаго въ чувственности, какъ непріятное омраченіе его, якобы свѣтлыхъ и счастливыхъ минутъ жизни, то порочное сердце человѣка и говоритъ, что никакого Бога нѣтъ, что нѣтъ и загробной жизни, и что человѣкъ,

¹⁾ Изъ книги «Вопросы на исповѣди» Священника Григорія Дьяченко. Стр. 20, Москва 1894 г.

поживъ на землѣ нѣсколько времени, умираетъ для того, чтобы только сойтѣ въ землѣ.

Можно ли назвать такого человѣка счастливымъ? Нѣтъ. Постигаетъ, напр., такого человѣка какое нибудь несчастье. Найдеть ли онъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы мужественно перенести несчастье и— не пасть духомъ? Конечно—нѣтъ. Недаромъ телеграфъ приносить намъ каждый день извѣстія о томъ, что одинъ человѣкъ застрѣлился, другой отравился и пр., такъ какъ «разочаровался въ жизни», или «не въ силахъ болѣе выносить ударовъ судьбы»—пишутъ обыкновенно самоубійцы въ своихъ предсмертныхъ запискахъ.

Что же это значитъ и почему столь многіе такъ малодушно кончаютъ всѣ счеты съ жизнію? А значитъ, конечно, то, что человѣкъ, при постигшемъ его несчастіи, не нашелъ въ себѣ той святой вѣры, которая, какъ якорь, могла удержать его ладью среди житейскаго моря, такъ какъ развращенное сердце его ранѣе потребовало, чтобы онъ отвергъ Бога... Поистинѣ «безумецъ»—какъ говоритъ св. Давидъ, такой человѣкъ!

Возлюбленные о Христѣ братіе! Будемъ же помнить, что причиною невѣрія въ Бога является порочное и развращенное сердце человѣка. Печально и безотрадно состояніе такого человѣка!

Для очищенія сердца, говоритъ извѣстный пастырь русской Церкви, нужны: «непрестанная молитва внутренняя, воздержаніе, чтеніе слова Божія, писаній и житій св. Угодниковъ Божіихъ, но главное—частое покаяніе и причащеніе Пречистыхъ Таинъ»¹⁾.

Священникъ церкви Владикавказскаго военнаго госпиталя Сергій **Красовскій**.

ВНѢБОГОСЛУЖЕБНАЯ БЕСѢДА

По поводу самоубійства солдата.

Аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмь
(Римл. 14, 8).

Христоробивые воины! Много утѣшался я тѣмъ, что всю нынѣшнюю зиму не болѣе двухъ разъ вызывался въ полковой судъ. Съ какимъ удо-

¹⁾ «Полн. собр. поуч». Протоіерея Іоанна Сергіева, т. I, 203—6 стр.

вольствіемъ г. командиръ полка передавалъ мнѣ и съ какою радостію я вслушивалъ отъ него, что преступленій и проступковъ между вами почти не слышать.

Вѣрите, мы радовались радостію отцовъ, у которыхъ въ семьяхъ царить тишина и спокойствіе. Но врагъ мира и всякой душевной утѣхи позавидовалъ, должно быть, этому нашему полковому благополучію: въ минувшій лагерный сборъ весь полкъ опечаленъ былъ самоубійствомъ товарища вашего. Всѣ подробности этого скорбнаго событія невыразимо тяжелы и возмущаютъ всякаго человѣка—христіанина, поражая душу какимъ-то особеннымъ страхомъ. Недаромъ мнѣ говорилъ ротный командиръ, что вѣсть о повѣсившемся ошеломила всю роту; испугались люди до того, что нехотя передовали другъ другу о случившемся. Самоубійство наводитъ ужасъ на окружающихъ, потому что оно есть страшное преступленіе и тяжкій, смертный, не простительный грѣхъ.

Первую вѣсть я получилъ отъ г. ротнаго командира. Запискою спрашиваетъ онъ меня, можно-ли отслужить передъ ротю панихиду по самоубійцѣ. Такъ какъ здѣсь находится военный госпиталь, и погребеніе умершихъ въ ономъ, или взятыхъ туда для излѣдованія причинъ смерти, совершается священникомъ госпитальнымъ, то я и отвѣтилъ, чтобъ онъ потрудился узнать отъ вскрывавшихъ самоубійцу докторовъ, разрѣшено-ли его похоронить по христіанскому обряду.

Послушайте, какія въ нашихъ законахъ церковныхъ и гражданскихъ существуютъ правила о погребеніи самоубійцъ. «Лишается христіанскаго погребенія всякій, кто лишить себя жизни съ намѣреніемъ, а не въ безуміи, сумашествіи или временномъ безпамятствѣ, происшедшемъ отъ какихъ либо болѣзненныхъ припадковъ; равнымъ образомъ умышленно утопившійся въ водѣ, умершій отъ пьянства (опившійся), убитый на разбоѣ или на поединкѣ». Такъ гласятъ законы церковные (Тимое. Александр. 14; Номокан. 178; Указн. статьи патр. Адріана п. 21; Треби. Петра Мог. о чинномъ погребеніи). По законамъ гражданскимъ тѣло умышленнаго самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать (т. XII, Уст. Врач. ст. 923.). Послѣ этого судите, какъ болѣзненно отозвалось въ сердцѣ моемъ полученное сообщеніе, что повѣсившійся не можетъ быть удостоенъ христіанскаго погребенія; потому что онъ въ полномъ сознаніи и совершенной памяти наложилъ на самого себя свои собственныя руки. Ротный командиръ, объятый ужасомъ и буквально со слезами на глазахъ пе-

редавалъ мнѣ свои чувства и чувства роты по поводу такой постыдной кончины несчастнаго товарища. Вы поймите, друзья мои, что онъ умышленно отвергъ всѣ молитвы Церкви за себя, объявилъ себя отщепенцемъ отъ нашего христіанскаго общества, пренебрегъ всѣми нашими братскими чувствами, обыкновенно изливающимися въ глубокомъ вздохѣ, истовомъ изображеніи на себѣ крестнаго знаменія и выходящихъ отъ христіанскаго сердца словахъ: «царство ему небесное». Не многословно это молитвенное пожеланіе, а когда оно скажется множествомъ сродниковъ, друзей и знакомыхъ, а здѣсь еще — товарищей по службѣ, — достигнетъ престола — Царя Небеснаго и приклонитъ Господь ухо Свое, чтобъ выслушать эту многогустную мольбу. Не хотѣлъ погибшій, чтобъ и прахъ его покоился мирно, съ усопшими братьями, на надлежащемъ, освященномъ церковью, мѣстѣ — православномъ кладбищѣ, подъ честнымъ крестомъ, а предпочелъ быть брошеннымъ въ мѣсто безчестное.

Какъ будто о немъ пророчески давно высказано сожалѣніе въ одномъ стихотвореніи такими словами:

«Не положить тебя въ домовище (гробъ),
А зарюютъ тебя, какъ скота,
Тамъ, вдали, гдѣ нибудь за кладбищемъ,
Не поставивши даже креста.

Такіе злополучные люди, должно быть, совершенно не испытали своимъ сердцемъ сладостнаго утѣшенія въ Христовомъ ученіи о томъ, что душа наша бессмертна и что за гробомъ будетъ вѣчная жизнь. Видимо, ничего не слышали они о свѣтлыхъ райскихъ обителяхъ для праведниковъ и мрачныхъ мѣстахъ адекихъ, съ ихъ безконечными страданіями, для грѣшниковъ. По неразумнымъ рѣчамъ и глупымъ пѣснямъ составляли они взглядъ на жизнь, гдѣ, напримѣръ, часто повторяются подобныя выраженія: «жизнь копѣйка, пить-умереть и не пить-умереть, лучше пить-умереть; пить будемъ и гулять будемъ, когда смерть придетъ, помирать будемъ». Вѣрьте, друзья мои, не приличествуютъ такія рѣчи человѣку-разумному, а наипаче христіанину. Только для животныхъ неразумныхъ все равно, какъ ни умереть, они не способны различить, какая смерть лучше. Утративши, или вовсе не получивши правильнаго понятія о будущей жизни, и христіанинъ уподобляется скотамъ несмысленнымъ, забывая, что онъ твореніе Божіе, что душа его есть искра Божества. Такой человѣкъ состоитъ во власти діавола,

который и ведетъ его къ концу погибельному, какъ Иуду Хриstopродавца, покончившаго жизнь чрезъ удавленіе. Спаси васъ Господи отъ легкомысленнаго отношенія къ жизни: страшно шутить такимъ важнымъ дѣломъ, какъ смерть. Эта шутка подобна будетъ огню въ рукахъ ребенка, который отъ первой искры можетъ погнубуть, не зная, что она имѣетъ свойство сожигать. Недаромъ нашъ православный народъ гласитъ о самоубійцахъ, что «и болото жалко сквернить этою падалюю». Въ деревняхъ нескоро найдутъ подходящее мѣсто для его зарытія: никому не хочется, чтобъ онъ былъ близъ не только селенія, но и тѣхъ мѣстъ, гдѣ пасется или прогоняется скотъ. Могила самоубійцы въ народѣ навѣки заклемена названіемъ «проклятаго мѣста».

Крѣпко убѣжденіе въ православномъ простолуднѣ, что сюда собираются злые духи торжествовать свою побѣду надъ христіанскою душою. Да, самоубійство противно нашей природѣ и являетъ собою отвратительно-грубое и дикое насиліе надъ жизнью—безцѣннымъ даромъ Творца. Оно есть величайшее оскорбленіе Бога и какъ бы возстаніе противъ Его воли и владычества. Онъ—нашъ Создатель, Владыка жизни и смерти, а потому Онъ одинъ и можетъ располагать ими. Лишаютъ себя жизни чаще всего отъ малодушія при скорбяхъ и напастяхъ, въ коихъ виноватъ почти всегда самъ же человекъ, отъ невѣрія въ помощь Божію, отъ порочныхъ и позорныхъ поступковъ. Самоубійца вполне достоинъ кары Божіей. Поэтому богобоязненные люди и истинные христіане смотрятъ на самоубійцу какъ на вѣроотступника и безбожника. И въ Священномъ Писаніи сказано, что самоубійцы царствія Божія не наследуютъ, и рѣшительнымъ приговоромъ для нихъ будутъ слова Праведнаго Судіи: *идите отъ Мене проклятии въ огонь вѣчный, уготованный дѣволу и ангеломъ его.* Христолюбивые воины! Считаю самоубійство тяжкимъ грѣхомъ, неустанно просите у Бога христіанской кончины живота нашего, безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшномъ судѣ Христовомъ. Св. Православная Церковь наша часто на службахъ своихъ возглашаетъ эти пршенія. Истинные сыны Церкви самымъ лучшимъ мѣстомъ разставанія души съ тѣломъ считаютъ почетный уголь дома, подъ иконами святыми, послѣ напутствованія Тайнами Христовыми, на глазахъ близкихъ сердцу дорогихъ родныхъ, искреннихъ друзей, добрыхъ знакомыхъ и хорошихъ сосѣдей.

Сама природа не преминетъ покарать нарушителей законовъ, вложенныхъ въ нее Творцомъ. А человекъ всемія прекраснѣйшимъ строеніемъ своего тѣла, съ челомъ (лбомъ), обращеннымъ къ высотѣ небесной и размышляющимъ о безконечности ея, свидѣтельствуесть, что онъ есть царь творенія Божія, носитель безсмертнаго духа и будущій гражданинъ неба. Самымъ названіемъ «человѣкъ» сказано намъ, что мы жить будемъ во вѣки. Вникните, какъ въ каждомъ изъ насъ глубоко и крѣпко коренится желаніе жить и жить безъ конца, и какъ эта безпредѣльная потребность жизни не покидаетъ насъ до послѣдней минуты выхода души изъ тѣла. Сознаніе, что ты живешь и дѣйствуешь всегда вѣтъ на все твое существо утѣшеніемъ и радостію. А это значитъ, что прекращеніе здѣшней жизни есть сонъ до славнаго и свѣтлаго утра воскресенія мертвыхъ. Не даромъ Св. Церковь умершихъ называетъ усопшими и наследниками жизни вѣчной. Сколько бы ни повторялись случаи наложенія рукъ на себя, но они не заглушаютъ въ природѣ человѣческой вѣры въ жизнь будущаго вѣка. Я зналъ одного, рѣшившагося покончить съ собою выстрѣломъ изъ револьвера и жившаго съ пущенною въ грудь пулею нѣсколько часовъ. Боже мой, какъ тяжело было это предсмертное время и ему, и окружающимъ его. Сколько раскаянія въ своемъ грѣшномъ поступкѣ излилъ онъ передъ Богомъ, передъ нами, сколько сожалѣнія о прекращающейся жизни было имъ высказано, какъ она представилась ему во всей своей прелести, красотѣ и радости, какъ онъ молилъ Бога, просилъ другихъ молиться за него, упрашивалъ врачей употребить все свое искусство:—все это для того, чтобъ остаться въ живыхъ. Но, увы! побесѣдовалъ съ товарищами въ полномъ сознаніи и памяти, чтобъ убѣдить ихъ, какъ жалко и самоубійцѣ разставаться съ жизнію,—и его не стало. Объ извѣстномъ французскомъ императорѣ Наполеонѣ рассказываютъ: когда онъ, въ 1812 году, возвращался изъ Москвы, послѣ страшной военной неудачи, приближенный къ нему генераль поднесъ ему револьверъ, указывая этимъ на необходимость умереть, чѣмъ со стыдомъ и безславіемъ явиться въ свое государство. Наполеонъ возразилъ: «никогда я не дѣлалъ такихъ ошибокъ, которыхъ не могъ бы послѣ поправить, а ты предлагаешь мнѣ именно то, чего поправить никакъ нельзя»,—и отклонилъ пагубный совѣтъ. Вотъ, всю тяжесть и горечь положенія, глубоко оскорбленное самолюбіе и страданіе честолюбія умѣло перенести сердце

человѣка, считавшаго жизнь высшимъ и ни съ чѣмъ несравнимымъ благомъ.

Послушайте-же теперь, что такое жизнь по Слову Божию, и какъ Оно повелѣваетъ намъ смотрѣть на нее. «Сотворимъ челоузка по образу Нашему и по подобію Нашему» сказано было Св. Троицею предъ появленіемъ праотца Адама въ чудно устроенный Божій міръ. «И создалъ Господь Богъ челоузка изъ праха земнаго, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни», читаемъ далѣе въ книгѣ Бытія (1, 26, 2, 7). Значитъ, тѣлесный нашъ составъ есть дѣло особой заботы Премудраго Создателя и твореніе всемогущей руки Его, а бессмертная душа наша есть часть Божественнаго дыханія, тогда какъ все прочее въ мірѣ, начиная съ неба и солнца, призывалось къ бытію однимъ Его словомъ «да будетъ». Это ли не честь для челоузка, это ли не радость сознавать такое высокое происхожденіе свое. Какъ же должны мы дорожить этимъ преимуществомъ и благоговѣть предъ Подателемъ онаго, ежеминутно утѣшаясь отраднѣйшимъ чувствомъ принадлежности Ему. Недаромъ св. Апостоль восклицаетъ: *никто изъ насъ не живетъ для себя, и никто не умираетъ для себя. А живемъ ми, для Господа живемъ; умираемъ ли, для Господа умираемъ: и потому живемъ ли, или умираемъ, всегда Господни* (Римл. 14, 7, 8). Это означаетъ, что, получивши жизнь отъ Бога и для Бога, мы обязаны хранить ее до тѣхъ поръ, пока будетъ на то Его святая воля.

Ему, Премудрому Человѣколюбцу, угодно здѣшнюю жизнью привести насъ къ жизни вѣчной и блаженной. Одинъ приснопамятный святитель русской Церкви оставилъ намъ объ этомъ такія дивныя слова:

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,

Жизнь—зачѣмъ ты мнѣ дана?

Умъ молчить, а сердцу ясно:

Жизнь для жизни мнѣ дана.

Жизнь есть школа, въ которой нужно изучить Законъ Христовъ и въ совершенствѣ исполнить оный на дѣлѣ. Слѣдовательно, чѣмъ дольше живемъ, совершая дѣла Божіи, тѣмъ ближе становимся къ Богу, и съ переходомъ въ будущую жизнь такіе подвижники узрятъ Его лицомъ къ лицу и прославятся въ царствіи Отца Небеснаго. Радостный привѣтъ отъ Иисуса Христа, Сына Божія, услышать люди праведные, именно: *прійдите,*

благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вамъ съ создания мiра (Мѣ. 25, 34). Разсказывалъ мнѣ одинъ офицеръ, какъ ему буквально явился застрѣлившійся его товарищъ и сказалъ, что ему «тамъ» (т. е. на томъ свѣтѣ) «скверно». Разсказывавшему я вѣрю, какъ себѣ, и снѣ передавалъ, что это былъ не сонъ; только онъ успѣлъ потушить свѣчу, приготовляясь лечь въ кровать, какъ отворилась дверь изъ сѣней и слышными шагами подошелъ къ кровати недѣлю тому назадъ застрѣлившійся товарищъ, попросилъ его подвинуться, чтобъ дать ему сѣсть около него на краю кровати. Сказавъ, что ему «тамъ скверно» и перекинувшись еще нѣсколькими краткими словами, этотъ загробный посѣтитель въ тѣ же двери вышелъ,—что было слышно отчетливо. Офицеръ ментально зажегъ свѣчу, отъ страха не успѣвши этого сдѣлать при таинственномъ гостѣ, разбудилъ деньшика и осмотрѣлъ двери. Разными неизъяснимыми для насъ путями и способами Господь предостерегаетъ отъ вѣчной гибели маловѣрныхъ сыновъ вѣка сего.

Если встрѣтитесь вы съ какими либо служебными недоразумѣніями, неудачами, или впадете въ ошибки, наконецъ (чего избави Богъ), совершите проступокъ, не скрывайте ихъ отъ ближайшихъ къ вамъ начальниковъ, особенно г. ротныхъ командировъ, и добрыхъ товарищей; не таите ихъ въ себѣ и не прибѣгайте къ разнымъ лукавымъ мѣрамъ вывернуться, запутавъ дѣло. Вѣрьте, это никогда не поможетъ, а только отниметъ возможность дать вамъ добрый совѣтъ и утѣшить. Извращая ложью и обманомъ обстоятельства дѣла, вы мѣшаете начальству узнать истину и оказать снисхожденіе, которое и закономъ дозволено, а сами предаетесь тоскѣ и скорби, уединяетесь, становитесь необщительными съ товарищами. Такое состояніе открываетъ путь къ сердцу вашему для духа злобы, который пользуется такими обстоятельствами, чтобъ навѣять пагубныя мысли и намѣренія. Не забывайте, что у насъ есть вѣрная утѣшительница во всякой скорби—мать наша Св. Церковь съ поставленными Богомъ священнослужителями, обязанными молиться съ вами, быть духовными совѣтниками и утѣшать въ несчастіяхъ. Во всѣхъ душевныхъ недугахъ, сердечныхъ скорбяхъ и уныніи духа спѣшите за помощію Божіею и за совѣтомъ отца духовнаго. Вѣрьте, что Господь вразумитъ насъ найти для васъ утѣшеніе и облегченіе;—гдѣ можно, исходатайствуемъ и защиту закона. Такіе случаи—не-

рѣдкость; желательнo только, чтобъ васъ, съ открытою душою обращающихся къ намъ, было больше.

Христіолюбивые воины! заключеніемъ моею бесѣды къ вамъ будетъ усердная просьба: вознесите всѣ въ умахъ и сердцахъ вашихъ горячую молитву къ Господу Богу, да будетъ послѣднимъ въ нашей полковой семьѣ этотъ несчастный случай самоубійства; да отгонитъ отъ насъ Царица Небесная всякое уныніе, забвеніе, неразуміе, нерадѣніе и да не отступитъ отъ каждаго изъ насъ Ангелъ Хранитель. Къ этому небесному Покровителю зывайте чаще словами молитвы: «Св. Ангеле Божій, не даждь мѣста лукавому демону обладати мною насильствомъ смертнаго сего тѣлесе; укрѣпи оѣдствующую и худую мою руку, и настави мя на путь спасенія».

Священникъ Ревельскаго пѣх. полка Григорій **Митропольскій**.

Освященіе Измайловскаго дома имени Императора Александра III.

Общество вспомошествованія бѣднымъ въ приходѣ церкви Св. Троицы существуетъ съ 1870 года. Однимъ изъ видныхъ дѣятелей при учрежденіи сего общества былъ, покойный нынѣ, священникъ вышеозначенной церкви М. А. Алексѣевъ. Вскорѣ послѣ своего учрежденія общество открыло богадѣльню для безирютныхъ старухъ и пріютъ для сиротъ дѣвочекъ. Богадѣльня и пріютъ помѣщались въ наемныхъ домахъ, — послѣднее время въ деревянномъ флигелѣ церковнаго дома на Зарѣтной улицѣ. Въ ноябрѣ 1895 года общество скромно отпраздновало 25-лѣтіе своей полезной дѣятельности. Всѣ пожеланія, которыя были высказаны на этомъ торжествѣ, сводились къ одному: имѣть свой собственный домъ, въ которомъ можно бы было расширить дѣло благотворительности, такъ какъ настоящее помѣщеніе и тѣсно и неудобно. Капиталь общества къ этому времени возросъ до 45,000 рублей. Принимая во вниманіе дороговизну земли въ послѣднее время въ Петербургѣ, при такихъ средствахъ начинать постройку было рискованно: большая часть капитала ушла бы на покупку земли. Но Богъ и добрые люди помогли. Л.-гв. Измайловскому полку принадлежит большая площадь пустопорожней земли, которую полкъ отдаетъ въ аренду подъ огородъ. Командиръ полка, онъ же и предсѣдатель общества, А. А. Евреиновъ, принялъ на себя трудъ ходатайства объ отводѣ части означен-

ной земли подъ постройку дома общества. Въ началѣ 1896 года послѣдовало **Всемиловѣйшее Высочайшее** соизволеніе на отводъ 650 квадратныхъ сажень земли, при этомъ, вслѣдствіе ходатайства совѣта общества, **Всемиловѣйше** повелѣно именовать домъ, построенный на этой землѣ, «Домомъ имени **Императора Александра III**». Получивъ **Высочайшій** даръ, совѣтъ общества избралъ строительную комиссію, въ составъ которой вошли: предсѣдатель совѣта, командиръ л.-гв. Измайловскаго полка генераль-маіоръ А. А. Евреиновъ, генераль-маіоръ Н. М. Бѣляевъ, полковники: Н. П. Криницкій, Н. А. Архиповъ и священникъ А. М. Песицкій. Постройка производилась хозяйственнымъ способомъ. Благодаря живому участию гг. офицеровъ полка, которые всѣ состоятъ членами общества, и пожертвованіямъ прихожанъ, дѣло постройки дома быстро пошло впередъ и къ концу 1897 года онъ былъ вполне готовъ. Домъ четырехъ-этажный, длиною 24 сажени, шириною 9. Въ немъ помѣщаются прекрасные: пріютъ на 50 дѣвочекъ, богадѣльня на 40 старухъ, 75 номеровъ дешевыхъ квартиръ и большой залъ на 300 человекъ, въ которомъ ведутся религіозныя бесѣды и народныя чтенія,—для послѣднихъ на пожертвованія прихожанъ приобрѣтенъ прекрасный волшебный фонарь. Постройка дома со всѣмъ обзаведеніемъ обошлась обществу въ 90 тысячъ рублей.

31-го января сего года—день на вѣки приспомятннй для общества, послѣдовало торжественное освященіе и открытіе дома. Къ 11 часамъ утра собрались всѣ члены общества во главѣ съ предсѣдателемъ А. А. Евреиновымъ и его супругою—попечительницею пріюта и богадѣльни Л. Л. Евреиновой. Въ 11^{1/4} прибылъ Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства А. А. Желобовскій. Въ 11^{1/2} ч. пріѣхалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Ровно въ 12 часовъ осчастливила домъ своимъ посѣщеніемъ Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна. Сразу же началось молебствіе, которое совершалъ Протопресвитеръ съ причтомъ церкви. Послѣ молебна Ея Величеству были представлены члены совѣта, а затѣмъ Государынѣ Императрицѣ угодно было посѣтить богадѣльню, пріютъ и шесть номеровъ дешевыхъ квартиръ, удостоивъ при этомъ милостивыми распросами призрѣваемыхъ. Въ началѣ второго часа днѧ Ея Величество отбыла изъ дому, оставивъ навсегда въ сердцахъ и членовъ общества и призрѣваемыхъ неизгладимую память о **Высочайшей** милости.

Священникъ Александръ Песоннй.

«Чистый понедѣльникъ»¹⁾

(Картинки изъ крестьянскаго быта).

Впечатлѣнія и наблюденія священника.

*Блаженъ мужъ, иже не иде на советъ
нечестивыхъ... Путь нечестивыхъ по-
гибнетъ... (Пс. 1, ст. 1—6).*

Наступилъ великій постъ... Кончились, слава Богу, разгульные дни такъ называемой «масляницы», которая у насъ на Руси почему-то считается «праздникомъ». Каждый послѣдній бѣднякъ-мужикъ на послѣдніе гроши (а чаще въ обмѣнъ на необходимые сельскіе продукты) покупаетъ и муки на блины, и рыбки, и... главное, непременно вина. «Какже безъ него? И рыбки слѣдуетъ запасти, потому говядина—воспрещенная Богомъ снѣдь въ эту недѣлю. А безъ муки и совсѣмъ обойтись нельзя: безъ блиновъ какая-жъ масляница?» Такъ разсуждаетъ каждый.

И пошло веселье... Ходятъ, какъ шальные, послѣдніе три дня масляницы... Прошли, слава Богу, дни разгула; наступилъ великій, святой постъ. Пора опомниться!... Церковный звонъ,—рѣдкій, протяжный и заунывный,—какъ будто скорбящій голосъ нашей Матери-Церкви,—зоветъ въ храмъ, мѣсто спасенія отъ всѣхъ бурь моря житейскаго. «Идите, дѣти мои», какъ бы говоритъ она, «въ храмъ Божій, оставьте суету мірскую; погрѣшили—и полно. Приидите во храмъ, поклонитесь Христу, припадите со слезами къ Спасителю вашему!»...

Скрипятъ ворота, выползаютъ старушки, охая и крехтя; опираясь на костыльки, бредутъ въ храмъ Божій.

Вышелъ старичокъ, помолился на всѣ стороны... «Охо-хо! Прости, Господи, наши великія согрѣшенія!.. И куда это Степанъ запропастился?... Вѣдь сейчасъ только вышелъ... О, Господи, Господи!»... Догадался старый Савелій, куда ушелъ Степанъ... Не туда, куда идетъ онъ, старый батко его, не въ храмъ Божій, а къ этому грабителю (прости Господи!) Тишкѣ-кабатчику.

«Ужъ чисто-грабитель: все беретъ, что ни принеси... Лапти, кажись,

¹⁾ Такъ зовется понедѣльникъ первой недѣли великаго поста.

и тѣ возьметъ ненасытная его утроба, прости Господи! А поди-ка подступись къ нему, назови-ка «Тихкой-то»!... Какъ же!... «Тихонъ Терентьичъ, благодѣтель ты нашъ» — другого и названія нѣтъ. Хорошъ благодѣтель: опиваетъ водкой съ водой... Да и Степка хорошъ, неча сказать: ребятишекъ цѣлая хата, оборванные, голодные, зубъ на зубъ не попадутъ въ нетопленной избѣ,—а онъ... накосъ... прохлаждается цѣлую недѣлю... И что это онъ поташилъ къ тому ворогу?... Ужъ, кажись, ни чего не осталось и такъ ни въ хатѣ, ни на дворѣ... О Господи, Господи! Глаза не глядѣли-бъ, — грѣхъ только одинъ. Да не утерпишь, жалко внучать: «Дѣдушка! Тятя за хлѣбцемъ пошелъ къ Тихону Терентьичу»?.. За хлѣбцемъ!—Горемычные, горемычные»... Прослезился старикъ,—махнулъ рукою и псплелся торопливыми шагами въ храмъ Господень...

«Господи и Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія... и не осуждати брата моего»... — несутся ему навстрѣчу слова чудной молитвы...

Опустился старикъ на колѣна, заплакалъ тихими умиленными слезами. «Господи, Господи! Милостивъ буди мнѣ грѣшному. А я-то осуждалъ Тихона! Въ чистый-то понедѣльникъ!... Охъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе. Степанъ виноватъ — слабъ человекъ. Опять осудилъ! А кто его приневоливалъ-то, какъ былъ подросткомъ-то? «Выпей, Степка; какой же ты мужикъ будешь!»... — Мой грѣхъ. Прости, Господи! Научи, Господи! Вразуми заблудшаго раба Твоего Степана!» И молится, горячо молится старикъ; а тихія слезы, горькія, умиленныя, покаянныя — падаютъ на холодный полъ... «И самъ я былъ не безъ грѣха въ этомъ», вспоминаетъ онъ «и самъ смолоду не въ храмъ Божьемъ въ этотъ день бывалъ, а въ гостепріимномъ кабацкѣ Терентія, отца Тихона. Да вразумилъ Господь, наставилъ духовный отецъ, спасли добрые люди.—А Степанъ-то! — Золотыя руки, какъ не пьеть, — лучшій плотникъ и столяръ на всю округу; а запилъ—все пропало: весь инструментъ въ кабацкѣ переносить. Вразуми его, Господи, заблудшаго сына Твоего!» — И молится, горячо молится старикъ; обильныя слезы текутъ по морщинистому, исхудалому лицу...

«Во царствѣ Твоемъ помяни насъ, Господи»... Стройно запѣли на клиросѣ дьячокъ и два мальчика-подростка.

«Помяни насъ, Господи, въ святомъ Твоемъ Царствіи! Прости меня грѣшника: о мірскомъ все думаю, а пора ужъ и въ могилу старымъ косямъ... Да какъ не думать-то? — Вотъ и другой сынъ Кузьма на чужой сторонѣ: въ солдатахъ Царю-Багюшкѣ служить. Дѣло хорошее, что гово-

рять; да больно сокрушался, какъ идти на службу-то: поплакаль сердечный. Прикрикнулъ на него, грѣшный человекъ: «стыдись, говорю, солдатъ тоже, а хуже бабы... Не знаешь что-ль куда идешь? Не люди что-ль тамъ живутъ»?... На службу Царскую идти, да горѣвать!—грѣхъ одинъ: святое дѣло справляютъ, за защиту государству изъ себя предоставляютъ; подикось сунься врагъ то въ нашу землю, — небось сомнутъ какъ разъ: молодець къ молодцу... И какъ это у нихъ складно все—одинъ въ одинъ! Залюбуешься, въ городу увидавши... А вѣдь больше все изъ нашихъ же, изъ мужиковъ, набраны; и господа, слышно, бываютъ, какъ недоучитесь который; также и изъ купечества. Всѣ, значить служить; а намъ-то и Богъ велѣлъ: насъ-то, мужиковъ, больше всѣхъ, вѣдь, въ Россееюшкѣ-то матушкѣ нашей...

А пойдеть-то какомъ чувальнемъ, хошь бы взять Семена-племянника,—совсѣмъ нестойщій паренъ былъ. А пришелъ—не узнаешь: ундеръ-офицеръ, мундеръ новенькій, галуномъ золотымъ весь обшитъ... Офицеръ, одно слово офицеръ,—что въ городу солдатъ учать! А обращенье-то какое: «Такъ и такъ то вамъ, дядюшка Савелій Игнатъичъ (это меня-то!) доложу: житье хорошее было, питанье того лучше, одежда завсегда справная,—все въ порядкѣ-съ; вотъ Кузьма вамъ обо всемъ опишетъ, какъ поживеть. Строгонько оно, правду сказать, пѣвадки не дадутъ; хмѣльнымъ кто зашибается или что,—отъучать,—потому порядокъ должонъ быть во всемъ; завсегда на чеку будь,—на то служба-съ: то и солдатъ, что завсегда исправенъ и въ своемъ видѣ»...

«А скажи-ка, родной мой», — говорю ему, — какъ у васъ насчетъ Бога-то, молитвы то-есть, не стѣснительно-ли; пуцають-ли въ храмъ Божій?»

Усмѣхнулся онъ таково ласково (не то чтобъ какъ зубоскалы) на мой глупый спросъ, да и говоритъ: «А насчетъ этого доложу вамъ, дядюшка Савелій Игнатъичъ (это все меня-то величаетъ! Вотъ думаю, что значить образованность-то!), не токмо-что не стѣснительно, а даже очень большая вальгота предоставлена: сейчасъ, значить, какъ пришелъ праздникъ Господень,—старшій (къ примѣру сказать вахмистръ, аль ундеръ-офицеръ, какъ я) спрашиваетъ: «кто желающіе въ церковь —одѣвайся и стройся», — чтобы, значить, въ порядкѣ, командой, идти въ храмъ Божій. А который ежели свободный, да полѣнится идти, такъ и усовѣститъ: «а ты чтожъ—татаринъ, али нехристь какой, что въ храмъ Божій не хочешь идти? Аль ты не знаешь, глупая твоя голова, что безъ помощи Божьей у тебя и дѣло

никакое спориться не будетъ? Аль забылъ, что батюшка-то онамеднись говорилъ?... Застыдится лѣнтая и побѣжить скорѣй обряжаться; привыкнетъ каждый праздникъ ходить, и на предбудущій разъ самъ ужъ просится... И самъ вахмистръ съ нами пойдетъ, вотъ ровно старшій братъ,—такъово хорошо!... Суровый былъ мужчина, а добрякъ; напускаетъ на себя только, когда нужно, строгость; потому иначе нельзя—старшій отвѣчаетъ за все, вразумляетъ глупыхъ, на хорошее наставляетъ...

Придемъ къ храму... «Шапки долой!» сейчасъ скамандуетъ,—входимъ по одному въ храмъ Господень, становимся на самомъ переду рядами. И батюшка-то хорошо служить,—явственно каждое слово слышно; и поютъ-то очень чувствительно—даже слеза иной разъ прошибетъ. А вѣдь изъ насъ же, солдатъ, набраны пѣвчіе то. Хорошо, одно слово—лучше не надо!... Отстоимъ службу Божию, помолимся Царю Небесному о своихъ мірскихъ нуждахъ,—легко станетъ на сердцѣ,—и въ казармы на обѣдъ.

А послѣ обѣда—кто почитать сядетъ книжку божественную, что батюшка раздавалъ,—кто отдохнуть ляжетъ, а кто такъ въ городъ отправится по своимъ дѣламъ,—однаже завсегда спрашиваютъ,—«по какимъ»: строго слѣдятъ, чтобъ баловства какого не было.—А подъ вечеръ—уборка, а тамъ—повѣрка, всѣ-ли на лицо, потомъ—ужинъ; а опосля всего молитвы предъ образомъ поемъ на сонъ. А тамъ и спать ложись, потому рано на службу вставать—отдохнуть надо.

Итакъ скажу я вамъ, дядюшка Савелій Игнатьичъ, привыкнешь къ такому порядку, что вотъ и по сей часъ—четвертый мѣсяцъ пошелъ, какъ со службы вернулся—словно вотъ чего не хватаетъ... И хорошо дома, а много и веладнаго: сынъ отцу грубитъ, старшаго брата въ грошъ не ставитъ, въ праздникъ на базаръ поѣдетъ, али замѣсто обѣдни въ кабацкѣ пустозвонитъ».

«Правда, все правда,—до единого словечка; непорядки большіе непорядки пошли въ крестьянствѣ», думаетъ старикъ...

Кончилась служба... Вышелъ батюшка... «Мало, православные, васъ въ храмъ Божьемъ, совсѣмъ мало... Вижу все больше стариковъ, да старухъ. Скорблю, душевно скорблю за чадъ своихъ заблудшихъ: гдѣ они теперь—сами знаете... Не въ храмъ Божьемъ, а въ вертепѣ... Не пѣсни божественныя слушаютъ, а сами срамныя пѣсни поютъ неразумныя... Не слушаютъ теперь ни васъ, стариковъ, ни меня, отца духовнаго... Вразуми ихъ Господи! Не отвержи ихъ отъ лица Твоего, не вѣдятъ-бо, что тво-

рять»... Прослезился даже батюшка,—горько ему стало, обидно за такое пренебреженіе къ храму Божьему,—и ушелъ въ алтарь...

А у кабака давнымъ-давно уже толпа мужиковъ съ опухшими лицами... Кабакъ запертъ. Начинаются дипломатическіе переговоры.

— «Тихонъ Терентьичъ! Отопри лавочку то,—рукавицы нужно: пора и за работу приниматься, погуляли и полно... въ лѣсъ надо ѣхать»...

За дверями тихо...

— «Тихонъ Терентьевичъ!»...

— «И чего вы спорились, оглашенные»,—послышался сердитый голосъ хозяйки,—«добрымъ людямъ покою не даете; знаемъ ваши рукавицы—небось винища просить будете... Нѣту, нѣту—все вчера вылокали... Ступайте, ступайте... И Тихона Терентьича будить не стану: умаялся, сердечный, вечеръ съ вами возмись почитай чуть не до пѣтуховъ»...

— «А ты походатайствуй» Акулина Миоровна, матушка ты наша, красавица писанная!... А мы тебѣ, значить, всякое удоблетвореніе представить можемъ: маслица, али ленку тамъ, а не то такъ и новинку... у хозяекъ того... позаимствовать сможемъ... Ужъ будь милостивица, краля ты наша ненаглядная!»!

Въ толпѣ прошелъ сдержанный, одобрительный смѣхъ:

— «Ахъ, Тимоха, проваль его возьми! Ловокъ!»!

— «На то его взять»... И въ этихъ словахъ видна была упорченная слава деревенскаго краснбая—кабацкаго завсегдатая; «питерскій, одно слово, образованный кавалеръ».

За дверями послышался довольно явственный шопоть:—«Отопри ужъ, Терентьичъ, пьяницамъ оголтѣлымъ рай то ихній!»!

— «А ну ихъ—шляются, покою не дадутъ... Чай, Тимоха, да Степка... Что съ нихъ взять-то»?...—сердито проворчалъ кабатчикъ.

— «Не томи, родимый!... Дай душу отвести», не выдержали мужики, забывъ всякую дипломатію. «Башка во какъ трещить—ровно молотомъ по ней бьютъ»...

— «Благодѣтель, ты нашъ!»—ввернулъ Тимоха.

— «Ну ужъ и Тимоха!...», хлопнули себя по бедрамъ мужики. «Молодецъ, одно слово!»...

— «Э... да ихъ много голубчиковъ»,—улыбнулся нехорошей улыбкой кабатчикъ... «Неча дѣлать, надо вставать»... «Вы, ребята, ровно солда-

ты» — рады стараться «своему командеру.. Ужъ вижу, что рады», прибавилъ онъ громко.

— «Ужъ подлинно такъ, Тихонъ Терентьевичъ», — обрадовались мужики шуткѣ своего благодѣтеля.

— «Ты — нашъ первый командеръ, самый, значить, наилучшій», — прибавилъ Тимоха.

— «А небось Семку Бахаря, да Мишку Сухарева, — щеголей-то вашихъ, кавалеровъ-то, — къ «командеру то вашему» николи не приведете!.. Не слушаются васъ видно, — какіе-жъ они апосля того солдаты, ежели изъ повиновенья вышли.. И парней-то всѣхъ отвадили все они же»...

— «Родительской властью прикажу своему бездѣльнику!»... съ азартомъ закричалъ невзрачный мужичонка въ рваномъ зипунѣ, отецъ Мишки Сухарева. «Учить тоже вздумалъ: «въ храмъ Божій идти, батюшка, надоть»... Иди, коли тебѣ тамъ сладко... Право!»...

Наконецъ, двери кабака съ шумомъ растворились... Паръ хлынулъ изъ двери на морозную улицу.. Мужики дружно ринулись въ гостепріимный пріютъ...

За стойкой величаво стоялъ осанистый Тихонъ Терентьевичъ въ розовой рубашкѣ и суконномъ жилетѣ, съ важнымъ видомъ поглаживая свою окладистую бороду.

«Не дамъ, напередъ говорю... никому не дамъ въ долгъ... На чистыя торгуемъ», крикнулъ кабатчикъ.

Мужики сразу пріуныли... «А что какъ взаправду?», подумали они. Денегъ ни у кого не было. Кто принесъ кушакъ, кто — новую шапку, кто сапоги; а другой такъ и сарафанъ женинъ.

— «И насчетъ закладу то ись... ни ни... потому воспрещено строго настрого»...

Мужики молчали. — «Скоро, братцы, и совѣмъ уѣду отъ васъ... житья совѣмъ не стало... Эва земскій начальникъ одинъ чего стоитъ: такъ распушить и меня (начальство, подумаешь, какое!) и васъ... што забудете и дорогу въ заведеніе-то»...

Мужики почесали затылки... «Оно дѣвствительно... земской начальникъ... того... спуска не дастъ... Отпусти, родной, винца-то!... Сосетъ во какъ, просто смерть»..., прибавили они помолчавъ.

Кабатчикъ что то какъ будто соображалъ... Мужики притихли...

— «Вотъ што, ребята, уговоръ дороже денегъ: вино теперь дорогое,

потому ево малость самая осталась... что дамъ за закладъ—штобы безъ спора».

— «Ни въ жисть... то ись провалиться на эвтомъ самомъ мѣстѣ!... Слова не скажемъ», загалдѣли мужики. «Ахъ ты, родной нашъ»,—прибавили они съ умилениемъ,—«Вѣдь, какъ скажетъ-то умственно»!...

«Слово—золото...»,—переиначилъ поговорку Тимоха.

— «Золото!... А есть-ли у тебя хошь не токмо што серебро, а грошь мѣдный за душой?... состриль кабатчикъ.

— «Ну, Тимоха, молчи!... чаво лѣзешь?»,—набросились на него мужики, потерявъ всякое уваженіе къ «дипломату». «Наливай, Терентьичъ, другъ ты нашъ сердечный!»...

На стойку стали выкладывать самыя разнообразныя и необходимыя вещи домашняго обихода: тутъ были рукавицы и сапоги, шапки и кушаки, сарафаны и платки, долота и топоры... и чего—чего не было!... А одинъ такъ зачѣмъ-то принесъ большой гвоздь, на которомъ рукомойникъ висѣлъ... Кабатчикъ презрительно покосился на гвоздь...

— «Наливай, братъ Тиша, наливай поскорѣй!... Справляй свою должность!...»,—потирали съ нетерпѣніемъ мужики руки.

Тихону Терентьичу, «благодѣтелю» не понравилась такая фамильярность.

— «Ну... вы ужъ не того... не очень то!... Чего раскудахтались?»,—прикрикнулъ онъ.

Мужики сразу притихли...

— «Ужъ доподлинно командеръ... въ наилучшемъ видѣ!...»,—похвалилъ Тимоха.

Кабатчикъ довольно ухмыльнулся: похвала пришлась по вкусу. — «Люблю за ухватку!... Получай, Тимоха, спервоначалу!»...

И Тимоха получилъ за сташенный у брата новый кушакъ—пятикопѣечный стаканчикъ, разбавленной на половину водки.

— «Важно!»..., крикнулъ онъ; взялъ со стойки засохшую борку черного хлѣба, понюхалъ ее зачѣмъ-то, и снова положилъ на стойку... закусилъ, значить, ... и заоралъ какую-то пѣсню...

— «Ну... ты... чаво орешь?...,—осадила его Степанъ, сынъ Савелья—«Нехристь, право нехристь: чай служба Божія идетъ въ церкви, а онъ на-кось... пѣсни»...

— «Не извольте сумлеваться Степанъ Савельичъ,—мы свою службу знаемъ.....»

— «Тяжка, тятя идетъ... хлѣбушка намъ несетъ»... подпрыгивая радостно захлопали въ ладоши трое Степановыхъ ребятишекъ, и кинулись навстрѣчу Степану...

— «Цыцъ, проклятые!... съ ногъ было сшибли..., пострѣлъ васъ возьми!... Чего лѣзете?...

«Хлѣбушка!»—передразнилъ ихъ Степанъ. «Просите у матки, чаво жъ она не спекла?»...

Ребята пошли прочь и боязливо прижались къ матери, худой до нельзя женщиной, сидѣвшей безнадежно подперши руками голову, у стола... Старикъ Савелій былъ еще въ церкви.

— «Ну... ты, чаво раскисла!... Чаво тебѣ не хватаетъ?... Мужъ у тебя... легко сказать»...—Степанъ ткнулъ себя указательнымъ пальцемъ въ лобъ—«лучшій столяръ въ округѣ... Кто лучше Степана рамы свяжетъ?... Ни въ жисть супротивъ Степана!»...

— «Разбойникъ ты этакой, губитель!... Столяръ!... Хорошъ столяръ... безъ струмента: весь за масляную-то недѣлю въ кабакъ перетаскалъ... пьяница непробудный!... «Хлѣба не спекла!», изъ чего спечь-то? Мука-то гдѣ, оглашенный?... Загубилъ мой вѣкъ, прости Господи!»...

— «Матрена... не моги... потому...» началъ было Степанъ.

— «Что съ пьянымъ толковать!... махнула рукой Матрена. «Пойти хоть дровишекъ наколоть, да истопить печку то: переколѣли все»... Накинула старый зипунишко и вышла изъ избы.

— «Ищи вѣтра въ полѣ!»... весело подмигнулъ Степанъ... «Топоръ-то... тютю... у Степана—въ горлышкѣ»...

И проворно стачивъ съ палатей женинъ дубленый полушубокъ, быстрыми шагами направился въ кабакъ...

Старикъ Савелій, вернувшись изъ церкви, засталъ тяжелую картину: невѣстка плакала навзрыдъ, уткнувшись въ столъ... голодные ребята въ три голоса усердно ей вторили...

— «Богъ милости»... началъ было онъ обычное привѣтствіе, и... запнулся: почувалъ старикъ что-то неладное... не разъ это бывало.—«Степка?»... вопросительно взглянулъ онъ на Матрену.

— «Полушубокъ мой... разбойникъ... топоръ...» безсвязно говорила она и, не выдержавъ, снова залилась бѣдная женщина горячими слезами...

Понялъ старикъ все... какъ не понять?—не первый разъ... Побрель

изъ избы, выпросилъ у сосѣда топоръ, собираетъ кой какой хворостишко... А неотвязная, горькая дума съ нимъ....

«Въ чистый-то понедѣльникъ! Грѣхъ-то, грѣхъ-то, Господи ты Боже мой, Никола Милостивый!... Вырастилъ сына, дѣдушка Савелій, неча сказать—на утѣху... Встряску-бы ему хорошую дать,—да... охъ... не стало власти родительской... Въ солдаты бы ево, каналью,—живымъ манеромъ выучили-бы... Сто палокъ бы всыпать ему, какъ Сидоровичъ рассказывалъ... Строго, куда строго было допрежь въ солдатахъ, говорилъ Сидорычъ. Двадцать пять лѣтъ отбарабанилъ, шутка сказать!... Да это бы нешто; а вотъ отца съ матерью не засталъ, могилы однѣ... братъ померъ тожъ, племянники выросли... да дядю-то и знать не хотятъ.. вотъ какъ по нонѣшнему!... Спасибо еще отцу Ивану—взялъ въ сторожа къ церкви..

Старъ, старъ Сидорычъ.. а бодрый еще... Вотъ што значить военный-то человѣкъ!... Намедни становой прѣзжалъ на слѣдствіе... такъ все: «слушаю-съ!», да «точно такъ!»... а самъ старый хрѣнъ (усмѣхнулся Савелій) ни вытяжку... Важно!... ровно и молодой.. Намъ гдѣ!...

А таперъ што не служить!... Пять лѣтъ-то!... Да и не бьютъ, сказывалъ Семень.. Сидорычъ говоритъ, что баловство нонче одно въ солдатахъ... Одначе, думаю самъ себѣ, не тово... выходитъ то тоже ладно: куда ни поверни—статья совсѣмъ особая насупротивъ мужика... Вонъ Степка-то и другіе-прочіе въ кабакъ, а Мишка-то Сухаревъ въ церкви былъ... Это съ чего-жь?... Подходить таково смиренно давесь послѣ службы къ отцу Ивану подъ благословеніе: «благословите, батюшка, въ путь-дорогу: въ городъ хочу позаняться столярному ремеслу,—въ работники къ столяру наймюсь на постъ. Дѣло-то домашнее и братъ съ отцомъ одни справятъ»... А какой отецъ работникъ ужъ?...—одно горе—пьяница сушій... Одначе батюшкѣ умолчалъ объ эвтомъ... Да батюшка то самъ знаетъ Вавилу-то, отца-то Михайлина... Отъ горя идетъ тоже: отецъ кажинный почти день пьяный, да еще и ругается... какъ есть нескладный мужичонка!...»

— «Доброе дѣло, доброе дѣло... Господь благословить»... Посмотрѣлъ таково ласково, любовно на него батюшка отецъ Иванъ... А Семень—племянникъ чѣмъ худъ?...—хошь не въ церковь, да и не въ кабакъ: поѣхалъ въ лѣсъ за хворостомъ....

Что-то мой Кузьма?... Небось... тамъ не загуляешь... Да и слюбится... не худое дѣло строгость то эфта; на ноги человѣка прямо ставятъ... на всю жизнь... Вотъ хошь-бы опять-таки взять Семена, аль Михайлу?...—Какъ

есть люди, степенные хозяева... любая невѣста пойдетъ... А пьяному чело-
вѣку нонче вездѣ пѣна — грошъ»...

Вѣрно сказалъ Тимоха: долго они правили «свою» службу въ кабакъ..
Ужъ два часа прошло, какъ отецъ Иванъ кончилъ божественную службу,
а мужики только что стали выбираться изъ кабака... Да и то потому, что
Терентичу нужно за виномъ въ городъ ѣхать, — выпроводиль...

Тихая улица огласилась шумными, нескладными пѣснями...

Какъ Степанъ добрель до своей избы, — уму непостижимо: падалъ и
опять поднимался... разводилъ бессмысленно руками... хлопалъ себя зачѣмъ-
то по карману... бормоталъ что-то... и опять падалъ... Разсыпанная связка
баранокъ, единственный остатокъ полушубка, — давно ужъ осталась позади...

— «Грѣхъ-то, грѣхъ-то, Господи ты милостивый!... покачивали голо-
вой проходящія старухи... «Въ чистый, святой понедѣльникъ-то!... такъ на-
лопаться винаща проклятаго: никакого подобія человѣческаго... Ну ужъ...
Степка... и мужикъ-то хорошій!... Охъ... грѣхи наши тяжкіе!»...

Старикъ Савелій съ невѣсткой затопили хворостомъ печку, сварили коте-
локъ померзшей картошки, заняли у сосѣда завалашую горбушку хлѣба...
пособѣдали съ грѣхомъ пополамъ...

Раздался сильный грохотъ въ ворота...

— «Хозяина не пущать?... Работника, кормильца?... Дрыхнуть леже-
боки... Я, значить, докажу... Степанъ все докажетъ... И баранковъ, зна-
чить, въ гостинець... ребятамъ... а женѣ, тоись Матренѣ докажу... и дѣд-
ку... того»...

— «Охъ, грѣхи тяжкіе»..., послышалось на печи... «Вернулся нашъ
соколь-то ясный... о, Господи, Господи!»...

Матрена молча встала, набросила — единственный теперь — рванный зи-
пунешко... отворила незапертую калитку... взяла сердито мужа за руку,
привела въ избу... Горько на душѣ, обидно... а нельзя: въ храмъ Божьемъ
вѣнчаны...

Степанъ едва успѣлъ ввалиться въ избу, какъ тяжело рухнулся на полъ...
захрапѣлъ...

— «О, Господи, Господи, — вздыхалъ тяжело старикъ «въ чистый-то
понедѣльникъ!... Люди въ эфтомъ день пищи совѣзмъ не вкушаютъ... а
онъ... Глаза не глядѣли бь...».

Тимоху на утро нашли на полдорогѣ изъ Князевки замерзшимъ... Са-

погъ не было... Обошелся безъ батюшки въ послѣднія минуты своей безпутной жизни... Самъ за себя и отвѣтитъ передъ Богомъ...

Не долго и Тихону Терентичу пришлось опаивать и обирать народъ... Дѣйствительно, земскій начальникъ спуску не далъ: ловокъ былъ Терентичъ концы хоронить... да... нашла коса на камень,—попался съ закладами...

Кабакъ закрыли... А самъ Терентичъ ужъ не такой осанистый, какъ прежде,—сидитъ за рѣшеткой, и не въ розовой рубашкѣ и суконномъ жилетѣ, а... въ сѣрой курткѣ съ остриженной головой... Борода у него, правда, осталась,—да не ухмыляется ужъ онъ теперь, а думаетъ горькую, невеселую думу.

2-го драгунскаго С.-Петербургскаго полка Священникъ Петръ **Масловъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА

«Достопримѣчательности С.-Петербурга». Чтеніе для народа съ 124 картинами. Сп.-Б. 1898 года. Составилъ поручикъ Д. Н. Ломанъ.

Эта книжка поручика Д. Н. Ломана даетъ подробное, общепонятное, снабженное множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій описаніе «достопримѣчательностей» столицы: святынь, дворцовъ, памятниковъ, музеевъ и пр. Надо отдать честь автору за то вниманіе, съ которымъ онъ отнесся собственно къ святынямъ города: едва не половина брошюры (стр. до 80-ти) посвящена имъ описаніямъ особо замѣчательныхъ въ столицѣ соборовъ, церквей, часовенъ съ ихъ чудотворными и чтимыми иконами, священными остатками древности, предметами особой цѣнности и под. Всѣ выдающіяся святыни Петербурга: Александро-невская Лавра, соборы: Петропавловскій, Троицко-Петровскій, Исаакіевскій, Казанскій, храмъ Воскресенія (на Екатерин.), Скорбящей Б. Матери (на Императ. стекл. зав.), часовни Христа Спасителя (на Пет. стор.), Александро-невская (у Лѣтн. с.) и мн. др.

нашли въ брошюрѣ или цѣлое (въ нѣсколько страникъ) описаніе, или краткую необходимую замѣтку. — Описаніе святынь составлено г. Ломаномъ съ знаніемъ дѣла, которое доставило бы честь писателю и не свѣтскому и вполне умѣлой, опытной рукой. Авторъ отлично знакомъ съ святынями столицы и по источникамъ и по опыту и, безошибочно избирая для описанія тѣ именно священные памятники, которые вполне этого заслуживаютъ, о каждомъ изъ нихъ сообщаетъ совершенно вѣрныя и всѣ необходимыя для обыкновеннаго читателя свѣдѣнія. Въ изложеніи матеріала болѣе всего заботится объ интересѣ описанія и вполне успѣваетъ въ этомъ, сообщая о каждой достопримѣчательности, въ соотвѣтственной пропорціи, лишь главное, существенное и характерное и тщательно избѣгая излишнихъ, обременительныхъ для вниманія подробностей; правильная, простая и ясная рѣчь, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ той же цѣли. Но самое главное и цѣнное достоинство описаній религіознаго характера поручика Ломана, безъ сомнѣнія, составляетъ любовь, съ которой авторъ ведетъ свое дѣло и благочестивая настроенность, которою проникнута вся эта часть брошюры. Читая ее, постоянно чувствуешь, что описываемые предметы близки, дороги, священны сердцу автора; многія страницы полны самаго живого и искреннаго религіознаго одушевленія. Возвышенное настроеніе автора настолько присутствуетъ и такъ сильно выражено въ книжкѣ, что легко и почти съ необходимостью подчиняетъ себѣ и настроеніе читателя. Съ этой стороны, его описаніе святынь, можно сказать, незамѣнимо, потому что является не описаніемъ уже только, но и религіознымъ назиданіемъ, тѣмъ назиданіемъ безъ словъ, которое такъ часто бываетъ (особенно для простаго читателя) дѣйствительнѣе и лучше всякихъ словъ. Религіозный человѣкъ, видимо ревнующій о религіозныхъ же интересахъ и своихъ читателей, почтенный авторъ и заключилъ брошюру ничѣмъ инымъ, какъ религіознымъ впечатлѣніемъ: довольно подробнымъ и весьма тепло написаннымъ біографическимъ очеркомъ знаменитаго пастыря Церкви, всеми любимаго и чтимаго, о. Іоанна И. Сергіева (Кронштадтскаго). — Весьма симпатично, что и другая часть книжки Д. Н. Ломана, имѣющая дѣло съ достопримѣчательностями не религіознаго характера и отмѣченная тѣми же достоинствами (что и первая), не лишена своего рода настроенія. Здѣсь всюду, гдѣ только допускалъ характеръ работы и особенно при описаніи многочисленныхъ памятниковъ, видѣнъ и сказывается въ авторѣ горячій, искренній патріотъ, который любитъ столицу отечества, благоговѣетъ предъ памятью ея великаго цар-

ственного основателя, восхищается подвигами и заслугами родичъ другихъ великихъ государей и замѣчательныхъ людей, съ любовью и поучительно рассказываетъ о геройскомъ подвигѣ доблестныхъ финляндцевъ въ день 5 февраля 1880 г. въ Зимнемъ дворцѣ, съ чувствомъ глубочайшаго негодованія и ужаса вспоминаетъ о событіи 1 марта 1881 г. и т. д. Патриотическое настроеніе и тонъ проникаютъ все описаніе и живо чувствуются читателемъ.

Изъ сказаннаго видно, что книжка поруч. Д. Н. Ломана, предлагая полезное каждому руководство и пособіе при обзорѣни достопримѣчательностей столицы на мѣстѣ, въ тоже время даетъ и прекрасное, высоко интересное и назидательное, религіозно-патріотическое чтеніе. А потому, полагаемъ, полезная для всѣхъ, она особенно пригодна для нижнихъ чиновъ, проживающихъ въ Петербургѣ какъ руководство, для всѣхъ вообще, какъ назидательное чтеніе. И мы знаемъ по опыту, что въ минувшіе праздники она успѣла уже вызвать среди нижнихъ чиновъ усиленный интересъ къ толковому обзорѣни (поощряемому многими полками) достопримѣчательностей столицы и съ большою охотой переходя изъ рукъ въ руки, читается солдатиками въ свободные отъ занятій часы. При всей скромности цѣли автора (дать пособіе желающимъ ознакомиться съ достопримѣчательностями Петербурга), талантливо и съ живымъ чувствомъ написанная, мы увѣрены, она принесетъ свою и не малую долю пользы въ нормальномъ, религіозно-патріотическомъ, воспитаніи солдата.

Отъ души желая этому прекрасному изданію какъ можно болѣе широкаго распространенія въ частяхъ арміи, мы особенно рекомендовали—бы его къ выпискѣ въ полковыя церковныя библіотеки, какъ за полезный, высоко—назидательный для солдата характеръ книжки вообще, такъ и потому, что на ея страницахъ, насколько мы знаемъ, дано первое въ печати цѣльное, обстоятельное и вполне популярно изложенное описаніе достопримѣчательныхъ святынь С.-Петербурга. Книжка издана съ замѣчательной роскошью и удивляетъ своей скромной цѣной (30 к.). Складъ изд. у автора: СПБ.. Спасская д 8.

Д.-Гв. Павловскаго полка Священникъ Дн. Боголюбовъ.

Въ распоряженіе казначея штаба С.-Петербургскаго округа поступили слѣдующія пожертвованія для сооруженія церкви на Успенскомъ военномъ кладбищѣ:

1) отъ поступившихъ въ духовное при протопресвитерѣ военнаго и морскаго духовенства правленіе (9-й взносъ).	8 р. — к.
2) — л-гв. Московскаго полка	1 » 99 »
3) — — Гренадерскаго полка	94 » 21 »
4) — — Финляндскаго —	9 » 60 »
5) — С.-Петербургскаго головы, тайнаго совѣтника Ратьковъ-Рожнова	3000 » — »
6) — Петербургской мѣстной бригады	1500 » — »
7) — потомственнаго почетнаго гражданина Н. А. Протопопова	2000 » — »
Итого	6613 р. 80 к.

Всего же съ прежде поступившими 18751 р. 62 к.,
изъ которыхъ уплачено подрядчику въ счетъ исполненныхъ
имъ работъ 8113 р. и остается на лицо 10638 р. 42 к.

Подписаль: помощникъ начальника штаба,
генераль-маіоръ *Дружининъ*.

Содержаніе. Распор. О. Протопресвитера. — Лестные отзывы. — Проводы полк. священника. — Поученіе о томъ, что гл. источникъ невѣрія заключ. въ испорченности сердца. — Бесѣда по поводу самоубійства солдата. — Овяш. Измайл. дома. — Чистый поведѣльникъ. — Нов. кн. «Достопримѣчательности С.-П.Бурга». — Пожерт. для сооруж. церкви на Успен. воен. кладбищѣ.

Редакторъ-Издатель, Свящ. *Іоаннъ Таранецъ*.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Февраля 24 дня 1898 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Климентъ*.